

О ПЕРВЫХЪ ВРЕМЕНАХЪ
КИЕВСКАГО БОГОЯВЛЕНСКАГО
БРАТСТВА.

ПОСВЯЩАЕТСЯ
КИЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ

28 Сентября 1869 года.

К І Е В Ъ.

1869.

Михаил Максимович

9(4)
M-17

О ПЕРВЫХЪ ВРЕМЕНАХЪ
СКАГО БОГОЯВЛЕНСКАГО
БРАТСТВА.

Печатано в типографии Киевской духовной академии
в 1869 году

ПОСВЯЩАЕТСЯ
Киевской Духовной Академии

28 Сентября 1869 года.

Киевская Духовная Академия
Лавра

УНДІП
Перевірено
1952 р.

КИЕВЪ.

Типографія Киевопечерской Лавры.

1869.

М-17

Труженик Максимович

О ПЕРВЫХ ВРАЧЕВ

КИЕВСКАГО ГОТОВАТЕЛЬСКАГО

БРАТСТВА

Печатать позволяется. Киевъ, 27 сентября 1869 года.

Ценсоръ Н. Щеголевъ.

ИЗДАНИЕ

КИЕВСКАГО ГОТОВАТЕЛЬСКАГО БРАТСТВА

Сентябрь 1869 года

Підня
перевірено
1869 р.

1869

Валентин Щеголевъ

Щеголевъ

Въ Типографіи М. П. Печенина

1869

Підня
перевірено
1869 р.

ПЕРВІВІРНО

1869

О ПЕРВЫХЪ ВРЕМЕНАХЪ КІЕВСКАГО БОГОЯВЛЕНСКАГО БРАТСТВА.

I.

Вотъ уже 250 лѣтъ, какъ существуетъ кіевское богоявленское братство на своемъ нынѣшнемъ мѣстѣ.... Сколько достопамятныхъ въ исторіи людей училось въ этомъ старобитномъ всеучилищѣ Руси!

Къ двумъ съ половиною вѣкамъ его исторической жизни добавляется еще 25-тилѣтнее бытіе прежней богоявленской школы, которая, говорятъ, въ 1589 году, благословеніемъ патріарха Іереміа, была возвышена предъ прочими приходскими школами кіевскими. Но объ той школѣ еще не открыто, кажется, тоговременныхъ извѣстій, ни о пожарѣ, которымъ она истреблена, какъ полагаютъ, 1614 года.

Печальная пустота этого пожарища восполняется знаменитыми именами предполагаемыхъ тамъ наставниковъ и питомцевъ. Такъ въ «Исторіи кіевской академіи» о. Макарія Булгакова, изданной 1843 года, сказано, что Іовъ Борсцкій и Мелетій Смотрицкій были въ той школѣ наставниками и что Мелетій назывался ея ректоромъ. Въ книгѣ г. Аскоченскаго «Кіевъ съ древнѣйшимъ его училищемъ академіею», изданной 1856 года,—къ питомцамъ той школы отнесены не только Кириллъ Транквилионъ-Ставровецкій, Захарія Копыстенскій и Богданъ Хмельницкій (какъ у о. Макарія), но и Елѣсей Плетенецкій, Леонтій Карповичъ, Кассіанъ Саковичъ и сподвижники Хмельницкаго—Павель Тетеря и Якимъ Сомко.

Но для признанія «неотъемлемой принадлежности» ихъ всѣхъ къ прежней богоявленской школѣ, надобно тоговременное свидѣтельство о каждомъ, начиная съ Елисея Плетенецкаго, который скончался въ октябрѣ 1624 года—семидесятилѣтнимъ старцемъ.

Нельзя и подумать, чтобы въ кievской школѣ, получившей патріаршее благословеніе 1589 года, не принималъ дѣятельнаго участія святопамятный князь Константинъ Острожскій, будучи воеводою кievскимъ до кончины своей въ 1608 году. Но объ этомъ не нашлось еще и намека въ тоговременной письменности, равно какъ не видно изъ нея и прежней богоявленской церкви, при которой находилась та братская школа. Единственный слѣдъ ихъ—купчая запись 1594 года, данная кievскимъ земляникомъ Андреемъ Обуховымъ и его женою Настасією Сверцовскою—на ихъ Сверцовскій дворъ на Подолѣ и сѣножать на Оболони. Но и той купчей записи не знаемъ мы въ подлинникѣ; а говорится объ ней черезъ сто лѣтъ, въ царской грамотѣ 1694 года, что проданы дворъ и сѣножать—«въ братскій монастырь». Словомъ сказать, 25-лѣтнее бытіе первоначальной богоявленской школы требуетъ новаго историческаго изслѣдованія и удостовѣренія. Извѣстіе объ немъ было обнаружено еще Герардомъ Миллеромъ и Василиемъ Рубаномъ «въ Старинѣ и Новизнѣ» 1773 года; но въ своемъ нынѣшнемъ видѣ оно есть только *мнѣніе*, а не свидѣтельство историческое.

Въ концѣ прошлаго столѣтія, въ самой академіи кievской, было еще такое мнѣніе, по которому ея начало полагалось въ 1620 году, т. е. со времени ея утвержденія и благословенія патріархомъ Теофаномъ. Такъ въ «Кievскомъ Мѣсяцословѣ на лѣто 1799», составленномъ Ирпнеемъ Фальковскимъ, въ «Хронологіи вещей достопамятныхъ» означено: «отъ зведенія кievской академіи—178 годъ».

II.

Мѣсто, на которомъ основалось кievское братство въ 1615 году, принадлежало прежде Стефану Лозкѣ, маршалку мозырскаго повѣта, имѣвшему значительныя помѣстья и въ землѣ кievской, около Радомышля ¹⁾. Въ межигорскомъ монастырѣ помпчалось его имя въ числѣ *ктиторовъ*, на ряду съ Богданомъ Стеткевичемъ и другими. Свой кievскій дворъ Стефанъ Лозка подарилъ жепѣ своей «Галнкѣ Гулевичевѣ», принадлежавшей къ давнему и знатному роду на Волынѣ. Тамъ въ первой половинѣ XVI-го вѣка Осодосій Гулевичъ былъ епископомъ луцкимъ и острожскимъ. Своимъ иждивеніемъ онъ возобновилъ въ Луцкѣ запустѣлую древнюю церковь св. Димитрія, которая долго послѣ того считалась принадлежащею дому Гулевичей. Въ 1596 году, на брестскомъ соборѣ находился Демянъ Гулевичъ, будучи «маршалкомъ свѣтскаго кола», и подписался на протестъ противъ новообъявленной церковной уніи. А въ XVII-мъ вѣкѣ, когда составилось луцкое крестовоздвиженское братство, къ нему принадлежало нѣсколько человекъ изъ этой фамиліи, въ томъ числѣ и Марья Гулевичева.

По наслѣдственной набожности и по любви къ русскому народу, *Анна Гулевичевна Лозкина*, съ согласія своего мужа,

¹⁾ Тамъ ему принадлежали: Рожень, Ставищи, Роковщина, и другія селѣща. По близости ихъ къ Радомышлю, который принадлежалъ къ владѣніямъ печерскаго монастыря, архимандритъ Мелетій Хребтовичъ хотѣлъ вымѣнить ихъ у Стефана Лозки на нѣкоторыя лаврсія села, находившіяся въ сторонѣ Слуцкой—на Осово, Левнищевичи, Печеряни, и получилъ на то дозволительный королевскій листъ 1590 года; однако этотъ обмѣнъ не состоялся.

Въ мѣстечкѣ Рожень, на р. Здвижени, былъ н большой укрѣпленный замокъ, въ которомъ Галшка Гулевичевна-Лозкина жила и въ 1618 году. Того года 25-го августа Ярошъ Сума, самозванный полковникъ, напалъ на Рожень и произвелъ въ немъ разореніе и грабительство (См. Архивъ Югозападной Россіи, ч. III. № 71).

отдала кievскій домъ и дворъ свой на пользу общественную, а именно: на устроение тамъ монастыря патриаршей ставропигии, школы для дѣтей всякаго сословія и гостинницы для духовныхъ странниковъ греко-восточнаго исповѣданія; а чтобы ея фундація пришла въ дѣйствіе, она немедленно ввела туда священноиннока Исаію Копинскаго съ нѣсколькими монахами и свѣтскими лицами, и завела тамъ школу; и такое распоряженіе свое утвердила на судѣ—записью 1615 года 14 октября. Съ этой записи и начинается *положительная* и достоверная исторія кievскаго братства.

Итакъ, богомысленный мужъ *Исаія Копинскій* былъ первымъ исполнителемъ распоряженія достопамятной основательницы кievскаго братства и первымъ его устроителемъ, о чемъ и самъ онъ напоминалъ въ генварѣ 1632 года, будучи митрополитомъ кievскимъ: «Яко съ початку за стараніемъ нашимъ, такъ и теперь за благословеніемъ, то мѣстце святое фундаментися маеть».

И вотъ, согласно правиламъ, которыя даны были отъ патриарховъ прежнимъ западнорусскимъ братствамъ—львовскому, виленскому, могилевскому,—составляется братство кievское, и заводятся при немъ *Учкъ* или *Регстръ* братскій, въ предисловномъ обязательствѣ котораго говорится такъ: «Начинаемъ сіе душеспасительное друголюбное соединеніе, *братство церковное*, въ богоспасаемомъ градѣ Кіевѣ, благословеніемъ и повелѣніемъ святѣйшаго вселенскаго патриарха константинопольскаго Киръ Тимоѳея, начальнѣйшаго во Христѣ пастыря нашего, и прочихъ святѣйшихъ патриарховъ, александрійскаго и аптіохійскаго и іерусалимскаго—на утѣшеніе и утверженіе въ благочестіи нашему російскому роду, сыномъ восточнаго православія, обывателямъ воеводства кiev-

скаго, такъ духовнаго вшелякаго, яко и свѣтскаго шляхетскаго стану, и всее Рѣчи Посполитое местное, и всѣмъ христоименнымъ людямъ... и т. д.

Читая сіи строки, надо припомнить время, когда это дѣялось. Двадцать лѣтъ уже въ іерархіи кievской свирѣпствовала церковная унія; былъ уже третій митрополитъ кievскій изъ уніатовъ, Іосифъ Вельяминъ Рутскій, и не было уже ни одного православнаго епископа; а воеводою кievскимъ былъ тягостный для Руси Станиславъ Жолкевскій.

Начинаемъ—говорять—церковное братство въ Кіевѣ. Видно, что оно было тутъ дѣломъ новымъ, а не продолженіемъ прежняго братства, состоявшаго при богоявленской церкви будто бы сгорѣвшей въ предыдущемъ году, вмѣстѣ со школою и шпиталемъ. Братство, какъ общество людей, не прекратилось бы отъ пожара; оно только озаботилось бы о возобновленіи погорѣвшихъ зданій. Но въ предисловіи реестра и въ записи Гулевичевны нѣтъ и помину о нихъ и объ ихъ возобновленіи, которое въ ту пору было бы надежнѣе, чѣмъ построение ихъ вновь, отъ новаго православнаго братства церковнаго. Это умолчаніе не дастъ ли намъ разумѣть, что кievское братство учредилось само по себѣ, безъ отношенія къ прежнему? Въ исторіи о. Макарія сказано: «для попеченія объ училищѣ вновь составилось братство, вѣроятно изъ прежныхъ членовъ, съ прибавкою впрочемъ и новыхъ» (стр. 18). Предположеніе это не имѣетъ для себя опоры въ свидѣтельствахъ тоговременныхъ.

Къ сожалѣнію нашему, не сохранился братскій реестръ цѣлымъ подлинникомъ, и мы не можемъ, по собственноручнымъ подписямъ членовъ, прослѣдить изъ году въ годъ постепенное возрастаніе кievскаго братства, видѣть въ-очью всѣхъ первыхъ начинателей его и дальнѣйшихъ подвижниковъ, въ томъ числѣ и достопамятнаго въ его исторіи гетмана Петра

Конашевича Сагайдачнаго. Только въ надгробныхъ стихахъ тогдашняго «ректора братскихъ школъ», Кассіана Саковича, сказано о славномъ гетманѣ:

«Въ которое ся братство во всеѣмъ войскомъ вписалъ,
И на него ялмузну значую отказалъ».

III.

Изъ великаго множества подписей, бывшихъ въ братскомъ реестрѣ, сохранилось только 22—въ копіи, принадлежавшей митрополиту Евгенію, съ которой онѣ напечатаны 1846 года, во второмъ томѣ «Памятниковъ», изданныхъ кievскою временною комиссіей. Въ книгѣ г. Аскоченскаго повторены эти подписи, но въ томъ же порядкѣ, какъ онѣ напечатаны въ Памятникахъ, и отъ этого вышла анахронизмъ: 15 братіи, записавшихся послѣ 1630 года, очутились при самомъ началѣ братства. Авторъ говоритъ: «Въ непродолжительное время по основаніи училища на землѣ, подаренной Гулевичевою, внесли въ уншея свои имена: Аванасій Пузына, епископъ луцкій и острожскій, архимандритъ жидичинскій; иѣкто Андрей Литинскій изъ Литвинчъ; Исая Трофимовичъ, вписавшійся «душею и рукою»; Сильвестръ Коссовъ, «префектъ школъ кievскихъ братскихъ» и т. д.

Достойны воспоминанія всеѣ подвижники православія и просвѣщенія, ознаменовавшіе себя въ нашей исторіи; но въ ней каждый изъ нихъ долженъ стать въ своемъ видѣ, на своемъ мѣстѣ и въ свое время.

Аванасій Пузына избранъ въ епископы луцкіе въ исходѣ 1632-го года, на томъ знаменитомъ варшавскомъ сеймѣ, на которомъ и архимандритъ печерскій Петръ Могила избранъ въ митрополиты кievскіе. Тогда устраненъ былъ отъ епископій луцкой уніатскій епископъ Іеремія Почаповскій, который не допускалъ на эту епископію Исаія Борисковича, посвя-

щевнаго на нее патриархомъ Теофаномъ 1620 года. А явился будущій епископъ на тотъ избирательный варшавскій сеймъ, въ числѣ 140 депутатовъ отъ шляхетства волынскаго, будучи еще міряншиномъ, *Александромъ Пузыною*. Подъ этимъ именемъ онъ виденъ и на листѣ лудскаго братства 1619 года. Очевидно, что его архіерейская подпись въ реестрѣ кievскаго братства ни какъ не ранѣе 1633 года. Впрочемъ, этотъ «владыка лудскій и острожскій» былъ въ Кіевѣ и въ февралѣ 1647 года, при избраніи Сильвестра Коссова въ митрополиты кievскіе; а скончался онъ 1650 года 25-го декабря.

Исаія Трофимовичъ, Сильвестръ Коссовъ, Софроній Почаскій—мужи извѣстные въ нашей исторіи; но ихъ служеніе въ богоявленскомъ братствѣ принадлежитъ уже ко времени могилнскому, и началось не ранѣе 1632 года. *Исаія Трофимовичъ Козловскій*, ближайшій сотрудникъ Петра Могилы, былъ взысканъ имъ изъ іеромонаховъ вилнскаго братства. Едвали не оттуда взятъ былъ и монахъ *Сильвестръ Коссовъ*. Оба они, въ юніѣ 1631 года, находились уже при Петрѣ Могилѣ, въ бытность его въ Львовѣ. *Софроній Почаскій* былъ изъ питомцевъ кievско-братской школы; онъ первый, подъ именемъ *Стефана Почаскаго*, означенъ въ числѣ двадцати учениковъ, читавшихъ надъ гробомъ гетмана Сагайдачнаго стихи или *търши*, напечатанные того же 1622 года, отъ имени ректора и проповѣдника Кассіана Саковича. Черезъ десять лѣтъ послѣ того, Софроній Почаскій, уже какъ «профессоръ риторіеи» въ лаврской могилннской школѣ, являлся къ великому архимандриту въ свѣтлое воскресенье—съ 23-мя учениками и съ привѣтственными стихами, которые и напечатаны въ томъ же 1632 году, подъ заглавіемъ «*Еохаристиріонъ*» або Вдѣчность». Того же года, вмѣстѣ со всею лаврскою школою, и Почаскій переведенъ былъ въ богоявленское брат-

1631 года (См. въ прибавленіяхъ къ «Описанію кіево-печерской лавры», сочиненному митрополитомъ Евгеніемъ). А въ это же время, именно въ сентябрѣ и октябрѣ 1631 года, видѣли изъ межвгорскихъ актовъ «ректоръ братскихъ кіевскихъ школъ—*Томашъ Іевлевичъ*». Объ этомъ ректорѣ Іевлевичѣ не упомянуто ни въ одной исторіи академіи; но онъ былъ уже объявленъ въ моей «Книжной старинѣ южно-русской», напечатанной въ Кіевлянинѣ 1850 года (см. на стр. 128).

Іезекіиль Курцевичъ былъ архимандритомъ терехтемпровскаго успенскаго монастыря до 1620 года, въ которомъ, при возстановленіи кіевской православной митрополіи, онъ посвященъ былъ въ епископы владимірскіе и брестскіе. Его собственноручную подпись можно видѣть въ памятникѣхъ лудскаго крестовоздвиженскаго братства, на вышеупомянутомъ листѣ 1619 года. Въ историческихъ сочиненіяхъ онъ является обыкновенно не подъ своимъ именемъ. Еще въ «лѣтописцѣ густынскаго монастыря» онъ названъ *Іосифомъ Курцевичемъ*; такъ принято и въ Описаніи кіево-софійскаго собора (стр. 156 и 157). Въ «Памятникѣхъ кіевской комиссіи» подпись его напечатана съ именемъ *Іезекіиля Куревича*. Такъ она повторена и въ книгѣ г. Аскоченскаго (стр. 74); но тамъ же далѣе говорится объ *Іосифѣ* епископѣ владимірскомъ (стр. 90), какъ будто о другомъ лицѣ. Впрочемъ, подобныя измѣненія собственныхъ именъ встрѣчаются не рѣдко. Сама Анна Гулевичевна, еще и въ исторіи о. Макарія, зовется не иначе, какъ *Гулевичевою*, и къ этому ея прозванію привыкли было все академисты.

IV.

Первоначальное собраніе кіевского братства, въ которомъ было принято и подписано братское обязательство, происходило, какъ по всему видно, 1615 года 9 декабря, въ

именинный день Анны Гулевичевны. Къ тому же дню устроена была при гостинищѣ домовая церковь *Зачатія св. Анны*;— и сталъ этотъ день на-долго торжественнымъ праздникомъ въ братствѣ. Извѣстіе, что аннинская гостинищеская церковь устроена была еще Гулевичевою, хотя принадлежитъ позднеjšíмъ времену ¹⁾, но его нельзя не принять, имѣя въ виду пребываніе тамъ молитвеннаго мужа, Исаи Копинскаго, съ монашествующею братіей, которые не могли-же обойтись безъ своей церкви.

Вскорѣ послѣ того заложена была въ братскомъ дворѣ большая церковь, именемъ которой и назвалось самое братство. Объ ней не упоминается еще ни въ предисловіи братскомъ обязательствѣ, ни въ подлинн. Захаріи Копыстенскаго 4 генваря 1616 года. Но въ слѣдующей за тѣмъ подлинн. Тарасія Земки, принадлежащей очевидно къ тому же году, сказано: «братство православное кіевское—при *храмъ святыхъ Богоявленій*». Это упоминаніе о церкви богоявленской дастъ намъ разумѣть, что она была заложена въ 1616 г., и вѣроятно 6 го генваря, въ день св. Богоявленія, который у прежнихъ кіевлянъ былъ городовымъ праздникомъ и сопровождался особенною, торжественною церемонією подѣ предводительствомъ кіевского войта.

Но постройке этой новозаложенной братской церкви было поздно. Въ 1616-мъ году въ кіевскомъ братствѣ не стало первоначальника его, Исаи Копинскаго. Онъ упрощенъ былъ на устроеніе монастырей густынскаго и ладинскаго подѣ городомъ Прилукою, принадлежавшихъ тогда къ украинскому владѣнію князя Михаила Михайловича Вишневецкаго. Въ тѣхъ двухъ монастыряхъ и было около 15-ти лѣтъ любви

¹⁾ Такъ сказано у митр. Евгенія въ «краткомъ свѣденіи о началѣ кіевской академіи» (см. въ прибавленіи къ Описанію кіево-софійскаго собора 1825 г. стр. 222).

мое мѣстопребываніе Исаи, начальству котораго княгиня Раина Вишневецкая, урожденная Могилевна, поручила и всѣ церкви въ городахъ и селахъ той обширной украинской Вишневецчины.

Кто же послѣ Исаи былъ старшимъ въ кievскомъ братствѣ? Объ этомъ не сохранилось тогочаснаго извѣстія. Между тогдашними кievо-подольскими священниками, въ особенномъ уваженіи и любви народной былъ настоятель воскресенской церкви, Іоаннъ Матвѣевичъ Борецкій—питомиць львовскаго братства, бывшій тамъ съ 1604 года ректоромъ и учителемъ языковъ греческаго и латинскаго. Но этотъ добродѣтельный и просвѣщенный мужъ въ 1617-мъ году перемѣтился въ золотоверхій михайловскій монастырь, гдѣ принялъ монашество ¹⁾, съ именемъ Іова; а въ концѣ слѣдующаго года избранъ былъ въ игумены, на мѣсто умершаго Іосифа Мировскаго.

Между тѣмъ явился новыи строитель кievскаго братства— «мужъ христіанскихъ добродѣтелей и милостынъ полный», по выраженію Іова Борецкаго. То былъ питомецъ острожскихъ школъ и запорожской Сѣчи, гетманъ Петръ Конашевичъ Сагайдачный, уроженецъ червонорусскій. Послѣ многолѣтнихъ войнъ и походовъ, онъ въ 1619-мъ году припочилъ въ своемъ кievскомъ дому, гдѣ находилась его жена Анастасія, урожденная Повченская. Въ то время, вспомагая православному монастырямъ и церквамъ на Украинѣ, онъ построилъ въ кievскомъ братствѣ *Богоявленскую церковь* съ приделомъ св. *Благовѣщенія*.

¹⁾ Его примѣру послѣдовала и жена его, Никифора Федоровна Чеховичевна; она постриглась въ монахини и была игуменьей новоустроеннаго богословскаго дѣвичьяго монастыря. Меньшій братъ Іова, Порфирій Борецкій, былъ терехтемировскимъ игуменомъ, въ митрополитство Петра Могилы.

Объ этомъ построениі братской церкви была современная замѣтка въ старомъ ея синодикѣ, который къ сожалѣнію не сохранился. Ирпней Фальковскій, ссылаясь на 121 листъ того синодика, въ своемъ «кіевскомъ мѣсяцословѣ на лѣто 1799» говоритъ: «церковь бывшаго кіево-братскаго на Подолѣ монастыря Богоявленій Господнихъ, деревянная создана запорожскимъ гетманомъ Петромъ Конашевичемъ Сагайдачнымъ, 1620 года» (стр. 40).

Вслѣдъ за тѣмъ онъ построилъ на Подолѣ и другую церковь во имя св. *Василія*,—какъ это видно изъ универсала, даннаго братскому монастырю въ 1659 году кіевскимъ полковникомъ Василіемъ Дворецкимъ, гдѣ сказано: «отъ грунту церкви Васильевское меское, презъ тогожь Сагайдачнаго уфундованое» 1).

Такимъ образомъ, усердіемъ незабвеннаго гетмана, прибавились двѣ новыя церкви къ восьми, бывшимъ тогда на Подолѣ. Между ними соборною издавна была Успенская или Пречистенская, которую въ тѣ поры называли обыкновенно *Матерь Божія*, а ея настоятелей—«протопопами матербожскими» 2). Пребываніе Сагайдачнаго въ Кіевѣ было временемъ обновленія церковнаго. Патріархъ Теофанъ, въ своей второй грамотѣ 1620 года, говоритъ о себѣ, что посѣтилъ онъ церкви въ самомъ городѣ Кіевѣ, «почавши отъ церкви соборной Успенія Пресвятыя Богородицы, митрополи кіевской,

1) На второй могилннской записи о лаврской школѣ 1631 года подписанъ «Іаковъ Теодоровичъ, священникъ васильевскій кіевскій, рукою власною». Объ этой церкви *Василія Великаго* на Подолѣ упоминается и въ «Росписи Кіеву» 1681 года.

2) На той же могилннской записи подписанъ: «Федоръ Березницкій, недостойный протопопа Кіевскій Матробожскій, рукою власною». Сличите воеводскій листъ князя К. К. Острожскаго на гору Щеговицу, отдануя 1581 г. протопопу о. Ивану Михайловичу.

посредѣ града муромъ и Спаса святого деревомъ новообновленные и кошитомъ великимъ благочестивыхъ гражданъ кievскихъ украшенные, и иныя».

Городомъ Кіевомъ, какъ извѣстно, назывался тогда собственно Подоль. Надъ нимъ возвышались: кievскій замокъ, бывший на горѣ Киселевкѣ, и древній, нагорный Кіевъ, называвшійся тогда «Старымъ городищемъ».

V.

Въ 1620 году, среди великаго поста, въ братской гостинницѣ остановился достопамятный духовный странникъ, іерусалимскій патріархъ Теофанъ, бывший въ Москвѣ и тамъ посвятившій въ патріархи государева отца Филарета Никитича. При немъ находился экзархъ патріаршаго престола константинопольскаго, Арсеній, архимандритъ великой церкви. Тогда кievское братство около десяти мѣсяцевъ было, можно сказать, средоточіемъ кievской іерархii, куда со всѣхъ ея концовъ притекали обрадованные православные люди. Теофанъ не замедлилъ посѣтить монастыри Печерскій, Пустынно-Никольскій, Золотоверхо-Михайловскій, Кирилловскій, Межигорскій и Терехтемировскій, и всѣ приходскія церкви въ самомъ Кіевѣ, а потомъ онъ далъ кievскому братству двѣ благословенныя грамоты.

Въ первой грамотѣ, 17-го мая, сказано: «смиренія нашего благословеніемъ, нововдруженное братство богоспасаемаго града Кіева благословихомъ и хартією нашею благословенною въ вѣчные роды укрѣпихомъ». Изъ нея видно, что, по прошенію братіи, патріархъ изъявилъ согласіе основать въ Кіевѣ, по примѣру прочихъ братствъ западнорусскихъ, братство юношеское: «братство младенческое, старѣйшему

братству единомысленное и повинующееся о Господѣ, заложити пзвольше, благословихомъ»¹⁾.

Вторая грамота 26-го мая дана кievскому братству на патриаршую *ставропигию*. Въ ней сказано: «видячи церкви Божія великое озлобленіе отъ аностатовъ, законопреступныхъ пастырей ихъ, бывшихъ въ земли русской²⁾, на знакъ бытности нашей въ мѣстѣ Кіевѣ,—на *трунтъ братскомъ, при церкви святыхъ Богоявленій и Благовѣщенія*, крестъ водружасмъ и ставропигионтъ патриаршеское достойно быти судивши, благословляемъ». Этою же грамотою Оеофанъ благословилъ находящихся въ братствѣ молодыхъ шюковъ—«*способомъ монастырскимъ, по закону св. Василія, общежительно быти*».

Такимъ образомъ исполнилось уже все, что предназначала для кievскаго братства основательница его, Анна Гулевичевна. Съ 1615 года была тутъ *школа* для дѣтей всякаго званія и *гостиница* для духовныхъ странниковъ; а въ 1620 году сталъ здѣсь и *монастырь ставропигій патриаршей*.

Даны были Оеофаномъ грамоты на ставропигию и межигорскому монастырю, и двумъ новымъ братствамъ, луцкому Крестовоздвиженскому и слуцкому Преображенскому. Но важнѣйшимъ дѣломъ іерусалимскаго патриарха было возстановленіе православной митрополіи кievской, на которое онъ рѣшился по общему желанію здѣшнихъ православныхъ людей и по особенному настоянію гетмана Сагайдачнаго. Въ печерской лаврѣ, въ храмовой день ея (15-го августа), при вели-

¹⁾ Это братство состояло изъ юношей или молодиковъ, еще недостигшихъ познаго мужества и «иенскуеобрачныхъ», какъ сказано въ грамотѣ митрополита Псаіи Копинскаго, данной 1632 г. *юношескому* братству луцкому.

²⁾ Тутъ разумѣются отступники отъ православія, принявшіе унию—митрополитъ Михаилъ Рагоза, епископы Кирилль Терлецкій, Ипатій Потій и прочіе.

комъ множествѣ народа, посвященъ былъ въ кievскіе митрополиты *Іовъ Борецкій*. Послѣ того были посвящены патріархомъ и другіе духовные пастыри на епископскія мѣста, занятія уніатами, а именно: *Мелетій Смотрицкій*, архимандритъ и ректоръ виленскій, въ архіепископы полоцкіе; *Іезекіиль Курисовичъ*—въ епископы владимірскіе и брестскіе; *Исаія Копинскій*—въ епископы перемышльскіе; *Исакій Борисовичъ*, игумень черницкій—въ епископы лудскіе и острожскіе; *Паисій Инголитовичъ*, игумень мелецкій—въ епископы холмскіе и белзскіе; а на епископство пинское и туровское поставленъ былъ грекъ *Аврамій*, епископъ стагонскій.

Между тѣмъ какъ происходило посвященіе православныхъ епископовъ, Станиславъ Жолкевскій, бывшій воеводою кievскимъ и короннымъ гетманомъ, потерпѣлъ страшное пораженіе отъ турковъ на р. Цедорѣ, въ которомъ и погибъ онъ, а прочіе военачальники польскіе взяты были въ плѣнъ. По этому случаю былъ въ октябрѣ того года варшавскій сеймъ, для выбора новыхъ военачальниковъ и для совѣта о новой войнѣ, въ которомъ принималъ участіе и гетманъ Сагайдачный.

Въ генварѣ 1621 года, послѣ праздника Богоявленія, патріархъ Ософанъ простился съ Кіевомъ, благословивъ братство еще третьею, поучительною грамотою, 7-го генваря, и своимъ кшарпснымъ крестомъ, который до нынѣ находится надъ царскими вратами братской богоявленской церкви. Гетманъ Сагайдачный, съ своими казаками и многими духовными лицами, провожалъ патріарха до Волошской границы, гдѣ и расстался въ городѣ Бушѣ.

VI.

Посмотримъ теперь на разныя извѣстія и мнѣнія о кievскомъ братствѣ того времени, встрѣчаемыя у историковъ академіи.

У Евгенія—въ «краткомъ свидѣніи»—сказано, что «по отъѣздѣ патріарха Теофана, возставшее отъ католиковъ и униатовъ гоненіе на новопосвященнаго имъ митрополита кievскаго Іова Борецкаго и другихъ православныхъ епископовъ, разрушило сіе заведеніе. А хотя церковь братскую обновилъ въ 1622 году гетманъ войскъ запорожскихъ Петръ Конашевичъ—Сагайдачный и братство поддерживалъ, но училища возстановить не смѣлъ безъ дозволенія польскаго короля, и уже въ 1629 году февраля 19-го получилъ отъ короля Сигизмунда III-го грамоту, дозволяющую имѣть богоявленскому братству церковь для совершенія Божіей службы по закону греческому, съ училищемъ».... и т. д. (стр. 210).

Но гетманъ Сагайдачный въ тѣ годы былъ уже въ такой силѣ, что весьма могъ и самъ собою обновить братскую школу. А если бы даже и для этого понадобилось дозволеніе королевское, онъ легко могъ получить его. Не отказалъ же король луцкому братству 1619 года въ дозволительной грамотѣ на построеніе церкви, богадѣльни и школы. Впрочемъ, кievо-братская школа продолжалась и въ 1622 году: тому свидѣтели—ректоръ Саковичъ съ 20-тью учениками, читавшими его стихи надъ гробомъ Сагайдачнаго ¹⁾. А въ Жигимонтовой грамотѣ, данной кievскому братству 1629 года (т. е. черезъ

¹⁾ Вотъ списокъ тѣхъ учениковъ или *студентовъ*, извлеченный изъ книги: «Вѣрніи на жалосный погребъ зацного рыцера Петра Конашевича Сагайдачнаго, гетмана войска Его К. М. Запорозскаго. Зложонии презъ инока Кассіана Саковича, ректора школь кievскихъ въ братствѣ»:

1) Стефанъ Почаскій. 2) Петръ Созоновичъ Балка. 3) Іоаннъ Саковичъ. 4) Теофиластъ Іоанновичъ, бурмистровичъ К. 5) Іоаннъ Тарнавскій, протопоповичъ К. 6) Теодоръ Скаревскій. 7) Леонгій Балка, бурмистровичъ К. 8) Іеремій Ставровецкій. 9) Іоаннъ Стецкій. 10) Николай Отрешевичъ. 11) Іоаннъ Пелчяцкій. 12) Евтихій Самуловичъ. 13) Матвій Кизилевичъ. 14) Григорій Кондратовичъ. 15) Димитръ Кривковичъ. 16) Лукашъ Берында. 17) Георгій Вороничъ. 18) Карпъ Михайловичъ. 19) Симеонъ Шугла.

семь лѣтъ послѣ смерти Сагайдачнаго), даже пѣтъ и рѣчи объ *училищѣ*, какъ будто его и не было.

Неизвѣстно, по какому именно поводу была испрошена эта несвоевременная и недостаточная королевская грамота. Макарій и Аскоченскій указываютъ передъ нею на прекратившуюся польско-козацкую войну, т. е. на войну Тарасову. Но это указаніе напрасное, потому что Тарасова война была въ слѣдующемъ 1630-мъ году, а не въ предыдущемъ 1628-мъ, подъ которымъ она ошибочно значится у малороссійскихъ историковъ.

Что же касается до опустошенія кіевскаго братства по отѣздѣ іерусалимскаго патріарха, то въ исторіи Макарія сказано такъ, что гонители православія тогда, «прозвели, особенно въ Кіевѣ, страшные грабежи монастырей и церквей, и братское училище, вмѣстѣ съ своею гостинницею и церковью, вновь потерпѣло совершенное разореніе»... (стр. 20). Въ книгѣ Аскоченскаго это разореніе представлено въ такихъ чертахъ: «въ это-то бурное время, на-равнѣ съ прочими, и кіевское училище подверглось опустошенію. Братство разсѣяно; ученики и учителя умирали въ истязаніяхъ; церковь разграблена, гостинница разорена, и не осталось бы камня на камнѣ, если бы гетманъ Петръ Конашевичъ-Сагайдачный съ своими козаками не остановилъ буйства грабителей и убійць» (1. 91).

Но тутъ останавливаетъ слѣдующее обстоятельство: если бы нападеніе на кіевское братство въ 1621-мъ году было такое ужасное, то уцѣлѣвшій отъ него ближайшій его свидѣтель, ректоръ Кассіанъ Саковичъ, не преминулъ бы провозгласить о немъ въ своихъ *спршахъ*, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того писанныхъ. Вспомнимъ, какъ Сильвестръ Коссовъ, въ своемъ *Экзегезисѣ*, пзобразилъ ту опасность, которая въ 1633 году только угрожала учителямъ братской

коллегии, гдѣ и онъ тогда находился. Но Саковичъ, передающій многія тогдашнія подробности, не говоритъ ни о разореніи кievскаго братства, ни о возобновленіи его Сагайдачнымъ. Что значитъ такое молчаніе? Не то ли, что покушеніе или нападеніе на кievское братство не было такимъ страшнымъ, какъ его рисуютъ? Каковъ бы ни былъ новопоставленный кievскій воевода Тома Замоискій; но тогдашніе кievскіе мѣщане не были такъ слабы и уступчивы, чтобы у себя, среди города, допустить сопротивниковъ своихъ на тагія неистовства.

Но возвратимся къ повѣствованію г. Аскоченскаго о Сагайдачномъ.

VII.

«Огорченный вѣроломствомъ поляковъ, онъ (Сагайдачный) отказался помогать имъ противъ турковъ, и поднявшійся съ своимъ станомъ, перешелъ черезъ Днѣстръ и вступилъ въ Малороссію».

Нѣтъ, гетманъ Сагайдачный воротился изъ-за Днѣстра на Украину уже по окончаніи хотинской войны, въ которой онъ, съ 40-тысячнымъ козацкимъ войскомъ, принималъ весьма дѣятельное участіе, — какъ это видно изъ нѣсколькихъ польскихъ дневниковъ и лѣтописцевъ южнорусскихъ. Кассіаль Саковичъ, вспомянувъ о цецорскомъ пораженіи Жолкевскаго, при которомъ не было тогда войска запорожскаго, говоритъ:

«Бо и въ тойрочной войнѣ Богъ вѣсть якъ было,
Гды бы запорожское войско не прибыло,
Которое съ короннымъ войскомъ обокъ ставши,
Меняне поганъ разило, въ помощъ Бога взялии».

Оттоль вѣдаймо, чого згода доказуєть,
Доми, панства и царства вдале заховуєть.
Дай Боже згону межи всѣми христіанами
И звитяжество христіанскимъ царомъ на поганы!»

Доблестный гетманъ Сагайдачный воротился въ Кіевъ съ хотинской войны передъ филищовскимъ заговѣнемъ, обремененный тяжелыми ранами, отъ которыхъ и скончался черезъ пять мѣсяцевъ, на проводной недѣлѣ.

Далѣе въ книгѣ Аскоченскаго написано: «Съ прибытіемъ Сагайдачнаго въ Кіевъ гоненіе на православныхъ значительно стало утихать. Онъ началъ отнимать вооруженною рукою церкви, занятія католиками и униатами, и овладѣвъ остатками кіево-братскаго монастыря, занялся возобновленіемъ кагъ его, такъ и находившагося при немъ училища. Не жалѣя никакихъ издержекъ, Сагайдачный поручилъ постройки свѣдущему въ архитектурѣ гетману Жицкому, далъ монастырю села, и возстановилъ школу, пожертвовавъ ей все свое достояніе. Устроивъ все, кагъ должно, Сагайдачный окончательно сложилъ съ себя гетманство и принялъ иноческій санъ» (ч. I. 91).

Но изъ современныхъ сказаній не видно, чтобы въ 1621-мъ году были захвачены въ Кіевѣ католиками и униатами разныя церкви и богоявленское братство и чтобы лежацій на одрѣ болѣзни гетманъ возвращалъ ихъ вооруженною рукою. По свидѣтельству Саковича, онъ—

«Ку смерти ся отъ кляку недель готуючи,
Сповѣдо и жалостю грѣхн ветуючи,
Тайну седмькротъ принялъ маслосвященія,
Такъ тежъ тайны святого зъ нимъ причащенія;
Масность свою роздалъ, одну на шпиталѣ,
Другую zaś на церкви, школы, монастырѣ».

И мы знаемъ изъ универсаловъ гетманскихъ, что Сагайдачный укрѣпилъ и за корсунскимъ и за мотронинскимъ монастырями нѣкоторыя угодья. Но о *селахъ*, данныхъ отъ него киево-братскому монастырю, не знали и коллегіаты XVII-го вѣка. Кіевскому братству далъ онъ нѣсколько тысячъ золотыхъ (червоцевъ),— собственно на школу, на *науки*, какъ свидѣтельствуеъ Саковичъ. Кромѣ того Сагайдачный завѣщалъ полторы тысячи золотыхъ «на школу братства львовскаго, на науку и на цвиченье бакаляровъ учошахъ», какъ сказано въ записи 1622 года, данной его душеприказчиками, митрополитомъ Іовомъ Борецкимъ и гетманомъ Олифиромъ Остаповичемъ Голубомъ. Объ этомъ пожертвованіи говорить и Саковичъ, упоминая при томъ, что Сагайдачный надѣлилъ нескучно и братскую церковь во Львовѣ.

Въ церкви киево-братской до нынѣ сохранился большой золочено-серебряный ручной крестъ, обсаженный девятью камнями, съ такою надписью: «року 1622 далъ сеі крестъ рабъ Божій Петръ Копашевичъ-Сагайдачный гетманъ войска его к. м. занорозкого, до церкви святого Богоявленія Господня, въ домъ братскій, на отпущеніе грѣховъ своихъ». Можно опредѣлительно сказать, что въ киевскомъ братствѣ гетманъ Сагайдачный былъ строителемъ богоявленской церкви и фундакторомъ братскихъ школъ, по которымъ особенно и вспоминали его. Такъ въ универсалѣ киевскаго полковника Дворецкаго 1659-го года сказано: «монастыреви Богоявленія Господня брацкому киевскому и школамъ, при немъ будущимъ для наукъ высокихъ, презъ побожныхъ а вельце славныхъ годной памяти людей, то есть презъ пана Сагайдачного, гетмана войска запорозкаго и презъ преосвященнаго въ Богу зешлого отца Петра Могилу митрополита киевскаго, зъ умыслу побожне для оборони отъ супостатъ вѣри и церкви православныя, за часу гоненія ихъ, фундаванымъ».

Что же касается до свѣдущаго въ архитектурѣ гетмана *Петра Жицкаго*, то онъ есть не иной кто, какъ *Иванъ Петрежицкій*, бывшій гетманомъ въ 1632-мъ году, о которомъ говорится и въ книгѣ Аскоченскаго (ч. I. 113), но особо отъ *Жицкаго*. Это лицо принадлежит «Исторіи руссовъ», которая у насъ лѣтъ за сорокъ пошла въ ходъ, подъ славнымъ именемъ Георгія Копискаго ¹⁾.

О монашествѣ гетмана Сагайдачнаго не говорили наши иноки ни въ XVII-мъ, ни въ прошломъ столѣтіи,—безъ сомнѣнія потому, что онъ и не былъ монахомъ; а еслибъ былъ, то не умолчали бы о томъ ни Кассіанъ Саковичъ, ни другіе черноризцы кіевскіе. Первое извѣстіе о томъ появилось 1796 г., въ «Исторіи Украины» Энгеля, который, не понимая что значить вступленіе въ церковное братство, принялъ его за постриженіе въ монашество. Это недоразумѣніе пѣмца Энгеля у насъ распространилъ Вантышъ-Каменскій, вторымъ изданіемъ своей «Исторіи Малой Россіи», напечатаннымъ 1829 г.

¹⁾ Весьма замѣчательная въ отношеніи художественномъ, она преисполнена свѣдѣній нефримыхъ и свѣдѣній, съ распространенію которыхъ послужила не мало «Исторія Малороссіи» Маркевича. Вотъ нѣсколько строкъ изъ «Исторіи Руссовъ» о гетманѣ Сагайдачномъ:

... «А самъ, бывши спокойнымъ правителемъ гетманства, поправлялъ внутренніе безпорядки правительственные и воинскіе, воспяцалъ усильно ушіатство, возвращалъ съ него церкви, а въ томъ числѣ воротилъ и соборную кіевскую Софію, созидалъ вновь церкви, и между тѣмъ построилъ братскій кіевскій монастырь на Подолѣ, подъ распоряженіемъ гетмана Петра Жицкаго, яко въ архитектурѣ свѣдущаго; надалъ сему монастырю достаточныя деревни, и возобновилъ ихъ немъ, съ помощію митрополита кіевскаго Петра Могилицы, древнюю кіевскую академію, заведенную со временъ послѣдняго крещенія Россіи, по отъпащеніи и разореніи татарскаго крившующъ въ разныхъ монастыряхъ и пещерахъ. И покивши Сагайдачный въ полной славѣ великаго и славнаго гетмана малороссійскаго болѣе двадцати лѣтъ, скончался въ Кіевѣ въ 1622-мъ году и погребенъ въ церкви того созданнаго имъ братскаго монастыря, коего почитался онъ главнымъ ктиторомъ.»

Цѣлкомъ это написано черомъ Георгія Копискаго!

Отсюда монашество Сагайдачнаго принято было и митрополитомъ Евгеніемъ (см. въ прибавленіи къ Кіевскому Синодису—1836 г., списокъ малороссійскихъ гетмановъ). Тогда и въ кіевскомъ братствѣ сталъ было даже поминать Сагайдачнаго подъ именемъ «пюка Павла», о чемъ я слышалъ отъ самаго Иннокентія въ 1840 году.

Въ старомъ помянникѣ к. михайловскаго монастыря паходится слѣдующая современная замѣтка: «Року 1622 *апрѣля* 10 дня, благочестивый мужъ панъ Петръ Копаевичъ-Сагайдачный гетманъ войска Его К. М. запорозкаго, по многихъ знаменитыхъ военныхъ послугахъ и звятязствахъ, на ложіи своемъ простеръ позіи свои, приложися къ отцемъ своимъ, съ добрымъ исповѣданіемъ исполненъ благихъ дѣлъ и милостыни, въ Кіевѣ. Погребенъ *при церкви школы словенское*, въ мѣстѣ, на Подолѣ честно, въ дому братства церковнаго».

Сходно съ этимъ и у Саковича сказано, что Сагайдачный погребенъ «*при церкви братской*»—юже оиъ гетманъ Петръ созда»—написано было въ старомъ синодикѣ этой церкви. Самуилъ Величко сказалъ въ своей лѣтописи, что гетманъ Сагайдачный «погребенъ честно и знаменито, чрезъ преосвященнаго митрополита своего кіевского отца Юва Борецкаго, *при церкви соборной* въ томъ же монастыру брацкомъ кіевскомъ сущей». Но Стефанъ Лукомскій, въ своей исторіи двухъ войнъ, написанной въ городѣ Прилукѣ 1770 г., пользуясь лѣтописью Величка, передѣлалъ по своему и назначилъ мѣсто погребенія Сагайдачнаго—«*въ трапезѣ* того монастыря!»

Но гдѣ же надгробный камень, о которомъ упоминаетъ Саковичъ, приводя и самую надпись? Можетъ быть, оиъ оставленъ на своемъ мѣстѣ, при построеніи вышней каменной

Богоявленской церкви, въ 1693-мъ году, и вошелъ въ ея основаніе. Прочтемъ послѣдніе четыре стиха той надписи:

•Року тысяча шесть сотъ двадесять второго,
Погребенъ въ монастыри брацтва кievскаго.
На который тысячій килка офѣровалъ,
Аже бы тамъ науки фундовано, жадалъ».

VIII.

«Погребенъ *въ монастырь* братства кievскаго»... говоритъ тогдашній ректоръ братскихъ школъ. Итакъ, напрасно утверждалъ Евгеній, а за нимъ и Макарій, что кievское братство еще не называлось монастыремъ, или—что въ немъ еще не было монастыря даже до 1633 года, до митрополитства Петра Могилы. Нельзя согласиться и съ тѣмъ ихъ утвержденіемъ, будто право *ставропигии* дано было патріархомъ Теофаномъ только братской церкви, а не монастырю; потому, говорятъ они, и могъ Петръ Могилла подчинить ново-заведенный братскій монастырь своей епархіальной власти, не нарушая тѣмъ права ставропигии патріаршей. Въ книгѣ Аскоченскаго сказано сначала, что Теофанъ утвердилъ право ставропигии за богоявленскимъ училищнымъ монастыремъ (I. 88); но потомъ, говоря о подчиненіи монастыря епархіальной власти, Аскоченскій замѣчаетъ, что «этотъ поступокъ Петра Могилы не нарушалъ права ставропигии, даннаго патріархомъ Теофаномъ: ибо ставропигія принадлежала не монастырю, а только церкви существовавшей въ то время» (I. 331). Если уже такъ отдѣлять монастырь отъ церкви, то начало братскаго монастыря надо признать еще съ октября 1615 года, когда здѣсь водворились Псаія Копинскій и прочіе иноки, и когда здѣсь не было еще богоявленской церкви. Въ 1620 году патріархъ Теофанъ, грамотою 26 мая, благословилъ здѣшнихъ иноковъ «способомъ монастырскимъ общезвательно

быти»; а также опъ благословили здѣсь быть *ставропигіи патріаршей*, водрузивъ крестъ «*на ирунть братскомъ*, при церкви святыхъ Богоявленій и Благовѣщенія». Отсюда видно, что право ставропигіи дано было не только церкви, но и состоящему при ней монастырю—всему *дому братскому*, по выраженію того времени. Такъ и разумѣли тогдашніе православные люди, духовные и свѣтскіе, называя патріаршею ставропигіею цѣлое богоявленское братство. О томъ свидѣтельствуя извѣстныя три записи, данныя Петру Могила отъ духовенства, шляхетства и запорожскаго войска.—«Мы Исаія Копинскій, милостию Божіею архіепископъ кievскій, галицкій и всея Россіи, митрополитъ православный, и мы всѣ православные епископы, архимандриты, игумены, іеромонахи, протопопы, іереи и иноцы, сынове святое восточное апостольское церкви, послушенства архіепископа константинопольскаго и вселенскаго патріархи, а братія уншныя *братства церковнаго кievскаго, ставропигіумъ патріархи константинопольскаго*, пастыря нашего, при церкви святыхъ Богоявленій, въ мѣстѣ Кіевѣ будучаго»... и т. д.

Какъ этою записью, такъ и двумя другими, Петру Могила, еще до митрополитства его, предоставлено было, на всю его жизнь—*старшинство* надъ монастыремъ и надъ всѣмъ, что принадлежало къ кievскому братству. Ему какъ *любопослушнику* патріарха константинопольскаго, также признававшему братство кievское патріаршею ставропигіею, не для чего было и нарушать ставропигіальнаго права какимъ-то особеннымъ подчиненіемъ братскаго монастыря своей епархіальной власти, отдѣльно отъ братской церкви. А новособранная Петромъ Могилою община ученыхъ иноковъ, еще и до перевода ея изъ лавры въ братскій монастырь, была подчинена ему, какъ архимандриту печерскому и своему *фундатору*.

Итакъ можно сказать утвердительно, что богоявленскій братскій монастырь, съ правомъ патріаршей ставропигіи, существовалъ съ 26-го мая 1620 года. Но кто былъ тогда игуменомъ богоявленскимъ, это неизвѣстно. А съ 1627 года былъ здѣсь *игуменомъ* знаменитый *Тарасій Левковичъ Земка*, продолжавшій при томъ свое прежнее служеніе въ печерской лаврѣ, гдѣ и скончался 13-го сентября 1632 года. Замѣчено выше, что историки напрасно назначали его въ ректоры братскихъ школъ 1631 года: *ректоромъ* тогда былъ *Томашъ Левковичъ*. Игуменство и ректорство соединились въ одномъ лицѣ уже впоследствии. Неизвѣстно, съ кого именно это началось; Иннокентій Гизель съ 1647-го года подписывался уже «игумень и ректоръ». Исторія кievской академіи не собрала еще всѣхъ отцевъ коллегіатовъ морплинскаго времени. Такъ, напримеръ, въ ней не являлся еще ни разу предмѣстникъ Игнатія Старушнича *игуменъ Леонтій Андреевичъ Бронкевичъ*, который занимался возобновленіемъ древней *трехсвятительской* (т. е. Васильевской) церкви, по порученію Петра Могилы.

IX.

О кievобратской школѣ перваго 17-тилѣтія мало сохранилось извѣстій положительныхъ; даже то мѣсто въ Теофановой граматѣ, гдѣ говорится о школѣ, по неизвѣстности подлинника, нынѣ читается въ двухъ вариантахъ. По одному, напечатанному въ «Исторіи іерархіи російской» (Ч. I.), такое чтеніе: «школу *сллино-словенскаго* и *латино-польскаго* письма». По другому, изданному въ Памятникахъ кievск. врем. комисіи» (т II), читается такъ: «школу *сллино-словенскаго* и *латинскаго* письма». Отсюда выходитъ значительная разница въ заключеніяхъ о преподаваніи языковъ въ тогдашней кievской школѣ.

Евгеній и Макарій держались перваго чтенія, по которому выходитъ, что въ кievской школѣ учили *четыремъ* языкамъ. У Евгенія, въ краткомъ свѣдѣніи, сказано напротивъ, что до 1620 года въ этой школѣ обучали юношество только русской грамотѣ и латинской словесности; а Теофанъ «повелѣлъ распространить кругъ наукъ еще обученіемъ греческаго и польскаго языковъ» (стр. 209). Но не въ обычаѣ и не въ духѣ тогдашнихъ православно-русскихъ школъ было бы учить латинскому языку безъ греческаго; да и въ томъ же краткомъ свѣдѣніи сказано далѣе, что «языкъ греческій заведенъ былъ съ самаго начала сего училища» (стр. 217). Такимъ образомъ къ Теофанову повелѣнію могла бы относиться только прибавка языка *польскаго*. Но патриарху іерусалимскому едва ли свойственно было дѣлать такую прибавку; да онъ, какъ видно, и не вмѣшивался въ кругъ преподаванія; во второй граматѣ своей онъ говоритъ о кievской школѣ, какую онъ засталъ, видѣлъ и благословилъ.

Въ книгѣ Аскоченскаго (ч. I. стр. 87) сначала принятъ второй вариантъ граматы, называющей школу *эллино-словенскаго* и *латинскаго* письма, изъ чего слѣдуетъ, что здѣсь учили только этимъ *тремя* языкамъ. Однако въ той же книгѣ говорится далѣе, что «до Петра Могилы въ школахъ кievскихъ существовало преподаваніе и польскаго языка; но съ переименованіемъ оныхъ въ коллегію и съ введеніемъ новой программы, нарѣчіе польское исключено, какъ совершенно не нужное» (ч. II. 149).

О прекращеніи въ кievской коллегіи четвертаго языка, т. е. польскаго, говорилось еще въ Исторіи Макарія, съ такимъ предположеніемъ, что это сдѣлано «можетъ быть и по особенной неприязни къ полякамъ, какъ гонителямъ православныхъ» (стр. 52). Въ книгѣ Аскоченскаго тоже сказано: «такому исключенію можетъ быть содѣйствовало еще и то

обстоятельство, что нарѣчіе это принадлежало отъявленнымъ гонителямъ православія и притѣснителямъ Украины».

Но здѣсь прекращается историками польскій языкъ въ кievской школѣ именно тогда, когда онъ только начинаетъ въ ней проявляться со всею свѣжестью нововведенія. Вспомнимъ, чѣмъ привѣтствовали ученики преобразованной кievской школы митрополитство своего мецената въ 1633-мъ году: *польскими* стихами, напечатанными въ лаврѣ подъ именемъ Мнemosyne. Профессоромъ иностранныхъ языковъ здѣсь былъ три года Сильвестръ Коссовъ, такой любитель польщизны, что и въ послѣдніе годы его митрополитства (1657), когда Кіевъ и вся Малороссія были уже подъ русскою державою, даже дѣловыя бумаги у него въ кievско-софійской капитулѣ были писаны по-польски (см. образчикъ въ Описаніи кievско-софійскаго собора, стр. 251, съ собственноручными подписями: Sylvester Kossow... Lasarz Baranowicz... Klemens Staruszycz... Theodosius Sophonowicz...) Самъ Петръ Могила, принадлежавшій до своего монашества къ рыцарству польскому, любилъ польскій языкъ, на которомъ и передъ кончиною своею написалъ онъ достопамятное для кievской коллегіи завѣщаніе. Итакъ, въ кievской коллегіи не было предполагаемой нелюбви къ языку польскому, и можно думать, что онъ былъ нѣкоторое время преподаваемъ и въ ней, по примѣру братскихъ школъ виленской и могилевской.

Историки академіи вводятъ и прекращаютъ польскій языкъ елишкомъ произвольно. Такъ у Евгенія, въ Описаніи кievско-софійскаго собора (стр. 171), сказано было, что Петръ Могила младшимъ своимъ питомцамъ «съ 1631 года поручилъ обучать дѣтей наукамъ на *латинскомъ* и *польскомъ* языкахъ, назначивъ имъ школы при лаврскомъ больничномъ троицкомъ монастырѣ». Въ Исторіи Макарія тоже повторяется, что Петръ Могила «опредѣлилъ въ новооткрытыя школы нѣкоторыхъ изъ возвратившихся своихъ питомцевъ преподавать науки на

латинскомъ и польскомъ языкахъ» (стр. 37). Но посмотрите въ подлинную запись Петра Могилы объ этой лаврской школѣ (которая напечатана Евгеніемъ въ «Описаніи кіево-печерской лавры» 1831 года, т. е. за 12 лѣтъ до изданія Исторіи кіевской академіи о. Макарія); въ той записи сказано, что Петръ Могила новособранную ученую братію водворяетъ на означенномъ мѣстѣ, дабы они преподавали «науки вызволеныи греческимъ, словенскимъ и латинскимъ языкомъ».

Имѣя въ виду это постановленіе лаврской школы 1631 года о преподаваніи наукъ на *трехъ* языкахъ, а также и то, что лужская братская школа, устроенная по образцу кіевской, названа была въ 1624-мъ году *греко-латино-словенскою*, я полагаю, что такъ называлась и школа кіево-братская, согласно съ вторымъ варіантомъ Теофановой граматы. Впрочемъ ее называли въ тѣ поры и просто—*школою словенскою*,—какъ это мы видѣли изъ замѣтки въ помянникѣ михайловскаго монастыря о кончинѣ гетмана Сагайдачнаго.

X.

Объ учителяхъ тогдашней кіево-братской школы очень мало сохранилось извѣстій положительныхъ. Достоверно знаемъ только двухъ учителей, бывшихъ ректорами: *Кисіана Саковича*, виднаго въ 1622-мъ году, и *Оому Іевлевича*, упоминаемаго въ 1631 году. Между тѣмъ въ Исторіи Макарія сказано такъ: «вообще же *учителями* во все это время являютя здѣсь монашествующіе, которыхъ ввела въ дворъ свой Анна Гулевичевна» (стр. 30). Зачѣмъ же предполагать здѣсь учителями однихъ монаховъ, и только тѣхъ, которые были введены сюда вмѣстѣ съ Исаією Копинскимъ? Не видно еще ни откуда, чтобы и Саковичъ и Іевлевичъ были тутъ съ 1615 года. Что же касается до *монашества* учителей, то оно не было вѣрнымъ условіемъ въ тогдашнихъ братскихъ шко-

лахъ. Іоаннъ Борецкій задолго до своего монашества былъ и учителемъ и ректоромъ во львовской школѣ; а въ Исторіи Макарія онъ зачисленъ и въ учителя кievской школы, также еще до его монашества. Въ тогдашней вилепской школѣ, за немѣнѣемъ *своихъ* учителей латинскаго языка, нанимали и *иѣмцевъ*. Итакъ, достаточно было бы того условія, назначеннаго Гулевичевою, чтобы учителя и всѣ тутъ были *православнаго* исповѣданія. Изъ нея записи видно, что она ввела въ свой дворъ не только *духовныхъ*, но и *свѣтскихъ* лицъ: священно-иннокъ Исаію Копинскаго и прочихъ чернцовъ, а также и школу (т. е. учителей); и сказано далѣе: «потомки тебѣ свои на то обликую, же жаднымъ способомъ перешкоды въ той посесіи тамъ мешкающимъ *православнымъ*, въ иночествѣ въ школѣ и всякомъ строеніи тамъ пребывающимъ, чинити не мають». Нѣтъ никакого основанія тогдашнихъ учителей и избираемыхъ изъ нихъ ректоровъ кievо-братской школы ограничивать одними монашествующими. Это началось уже съ той новой ученой братіи, которую собралъ Петръ Могила въ 1631 году, для преподаванія свободныхъ наукъ въ лаврской школѣ, и которую потомъ онъ водворилъ въ братскомъ монастырѣ.

Въ книгѣ Аскоченскаго сказано такъ: «вообще же *начальствующими* въ первобытной кievской школѣ постоянно являются лица монашествующія, въ силу того пункта записи Анны Гулевичевой, которымъ она первоначально ввела во владѣніе подареннымъ ею дворомъ и землею—іеромоваха и прочихъ зъ чернцовъ» (I. 103). Но такого пункта нѣтъ въ ея записи: она «заразъ въ той дворъ и на его плацъ духовныхъ и свѣтскихъ православныхъ впровадпла» и отдала во владѣніе какъ имъ, такъ и всѣмъ *духовнымъ* и *свѣтскимъ*, состоящимъ въ православіи восточной церкви.

Предположивъ однихъ монашествующихъ начальниками школы, Асоченскій прибавляетъ: «только при такихъ блюстителяхъ школьнаго ученія могла быть въ то время осуществлена благочестивая мысль дарительницы». Но въ то время—кто же, какъ не іеромонахъ и ректоръ Кассіанъ Саковичъ подаль собою соблазнительный примѣръ отступничества отъ православія восточной церкви? А вслѣдъ за нимъ порешель въ униатскій расколъ и бывший вилепскій ректоръ Мелетій Смотрицкій; его же Макарій и Асоченскій зачисляють въ учители и ректоры первобытной школы кievской.

XI.

Главное наблюденіе и попеченіе о цѣломъ кievскомъ братствѣ и всѣхъ его частяхъ лежало на *старшемъ братѣ*. Въ это званіе выбираемъ былъ на известное время (на «часть девный») способный человекъ духовнаго или свѣтскаго стана; а въ помощь ему выбирались годичные *старосты*.

Это правило видно изъ трехъ вышепомянутыхъ записей, данныхъ Петру Могилѣ, а постановлено оно, вѣроятно, еще въ тѣхъ «братскихъ повинностяхъ и порядкахъ», которые написаны были 1615 года, при самомъ началѣ кievскаго церковнаго братства ¹⁾. Къ сожалѣнію эти «повинности и порядки» утратились, или же заронились гдѣ-нибудь въ безвѣстности архивной. Въ уцѣлѣвшихъ отрывкахъ братскаго вписнаго реестра первое мѣсто занимаетъ слѣдующая запись:

«За згодною прозьбою всѣхъ ихъ милостей и отцевъ нашихъ духовныхъ и стану шляхетскаго обывателей кievскихъ,

¹⁾ У Евгенія, въ краткомъ свидѣніи, сказано, что патріархъ Теофанъ при кievскомъ братствѣ «учредилъ еще—братство *церковное* и братство *милосердія*» (стр. 209). Но это только разныя названія кievскаго братства, которыми оно именовалось отъ самаго начала. Такъ лучшее братство, начавшееся 1617 года, именовалось *церковнымъ* братствомъ и братствомъ *милосердія*.

всякого стану вписаныхъ братства, церкви и монастыря Божоявленій въ Кіевѣ, ставропигии святѣйшаго вселенскаго, прирочнаго отца и пастыря російской церкви, патріархи константинопольскаго, старшимъ братомъ, опекуномъ и фундаторомъ того святаго братства, обители и школь, любви въ тотъ братскій реестръ подписуюсь. Петръ Могила, милостию Божіею архимандритъ свято-великой чудотворной Лавры печерской кіевской, яко любопослушникъ святѣйшаго вселенскаго константинопольскаго патріархи, въ лѣто 1631 мѣсяца марта 11-го дня рукою власною».

На чье же мѣсто выбранъ былъ Петръ Могила въ званіе *старшаго брата, опекуна и фундатора*? Это можно опредѣлять днемъ его выбора—11-мъ числомъ марта 1631 г. То былъ девятый день по кончинѣ митрополита *Іова Борейскаго*. Собравшеся на его *девятинахъ* кіевское братство избрало и для себя ему въ преемники того-же именитаго мужа, котораго и умирающій Іовъ назначилъ первымъ своимъ душеприкащикомъ. Известно, какое тяжелое время настало по смерти Сагайдачнаго для возстановленной кіевской іерархіи, для кіевского божоявленскаго братства и для всей православной кіевской Руси. Много труда и заботы предстояло митрополиту Іову; а его средства были скудны, ограниченныя однимъ михайловскимъ монастыремъ, въ которомъ онъ оставался по прежнему, въ званіи игумена. Тамъ жилъ при немъ, сослужителемъ его, почтенный мужъ Исаакій Борисковичъ, оставшійся только съ званіемъ епископа луцкаго и острожскаго.

Для умноженія средствъ братскаго монастыря и училища, купленъ былъ въ 1621 году, у инокини Парасковіи Кучинской, большой дворъ ея, знаменитый тогда по преданіямъ, на старокіевскомъ подгорьи, противъ Рождественской церкви. Въ 1624 году кіевское братство приобрѣло еще два лавочныя мѣста

возлѣ соборной церкви, у мѣщанки Люціи Миттевичевой; да въ 1628 году небольшой дворъ на Борисо-глубской улицѣ, у козака Петра Данкова.

А свой кievскій дворъ, находившійся близъ Воскресенской церкви, митрополитъ Іовъ заложилъ отцамъ межигорцамъ. Въ томъ дворѣ его (а не въ михайловскомъ монастырѣ) завведена была типографія, въ которой сначала работали кievскій типографъ *Александръ Тимофѣевичъ Вербницкій*, напечатавшій два изданія Часослова, 1625 и 1626 г.; а потомъ печаталъ здѣсь разныя церковныя книги *Спиридонъ Соболевъ* въ 1627—1630 годахъ. Этотъ Черкашенскій дворъ Іова Борецкаго, по его завѣщанію, приняли въ свое владѣніе межигорцы, и въ исходѣ того же 1631 года продали его ректору Томашу Іевлевичу.

Въ завѣщаніи своемъ, писанномъ 1-го марта на канунѣ своей смерти, онъ говоритъ слѣдующее: «И его милость господина отца Петра Могила, архимандрита печерскаго, и его милость отца Исаакія, епископа вышенепеннаго, по Божь першыми опекунами такъ того святаго монастыря Михайловскаго, яко и всѣхъ речей моихъ рухомыхъ учинивши,—за напершій и церкви Божой и всему православному народови россійскому потребишій.... въ томъ тестаментѣ остатное воли мое кладу: *абы школы оз Братств кievскомъ для цочиченя дѣтокъ христіанскихъ, а не иде индей фундаваны были, подѣ неблагословеніемъ приказую*».

Новоизбранный старшій братъ богоявленскаго братства не оставлялъ однакоже своего предпріятія «фундовать школы», и будучи того года во Львовѣ, далъ 15 іюня обѣтную запись іеромонаху Исаи Трофимовичу, монаху Сильвестру Коссову и другимъ ученымъ братіямъ, которые къ нимъ еще должны были присоединиться, о томъ, что предназначенный фондъ будетъ непременно исполненъ въ Кіевѣ, въ печерскомъ мона-

стырѣ, пля же гдѣ ему и имъ заблагоразсудится, и назначилъ имъ крайнимъ срокомъ 12 мѣсяцевъ. Такимъ образомъ тогда не было еще опредѣлено, гдѣ именно быть новой школь.

Но въ томъ же 1631-мъ году, избранный всею капитулою михайловскаго монастыря въ игумены, архіепископъ сѣверскій *Исаія Копинскій*, 20-го іюля былъ возведенъ на престолъ митрополіи кievской.

Тогда великій архимандритъ печерской лавры приступилъ къ открытію своей школы при каменной троицкой церкви на святыхъ вратахъ, въ больничномъ монастырѣ,—испросивъ на то дозволеніе константинопольскаго патріарха Кирилла, а также благословеніе кievскаго митрополита Исаіи Копинскаго и трехъ тогдашнихъ епископовъ, Исаакія, Аврамія и Пансія, какъ означено въ его записи 18-го ноября 1631 года.

Но эта лаврская школа устроена была для кievскаго братства. Еще въ декабрѣ 1631 года, въ день Зачатія св. Анны, вся богоявленская братія просила своего старшаго брата, чтобы онъ заводимую имъ школу и находящихся при ней учителей перевелъ въ братскій монастырь и основалъ ее здѣсь, какъ при ставропигіи патріарха константинопольскаго и мѣстѣ удобнѣйшемъ для воспитанія учащихся. И въ слѣдующій день Петръ Могилъ объявилъ свое согласіе основать здѣсь своимъ издвигеніемъ школы, съ тѣмъ, чтобы ему быть пожизненнымъ опекуномъ, блюстителемъ и защитникомъ братской церкви, монастыря, школы и всего къ нимъ принадлежащаго. И было утверждено это дѣло тремя записями, данными Петру Могилѣ—отъ кievскаго шляхетства 30-го декабря 1631 года, отъ духовенства 5 го января 1632 года, и отъ гетмана Ивана Петрищцаго и всего войска запорожскаго 12-го марта 1632 года.

XII.

Лаврская школа была уже въ ходу; о томъ свидѣтельствуесть книжка *Евхаристиріонъ*, напечатанная 1632 года 29-го марта, состоящая изъ стихотвореній, которыми ученики или *студеи* риторики и ихъ профессоръ, Софроній Почаскій, привѣтствовали Петра Могилу съ свѣтлымъ праздникомъ Воскресенія Христова. Этою книжкою опредѣляется характеръ лаврской *гимнази*, которая послужила родникомъ *коллегіи* и потомъ *академіи* кievской. Новое поколѣніе ученыхъ *гимназистовъ* было съ большимъ запасомъ тогдашней западно-европейской учености, такъ щедро изукрашенной язычествомъ или *поганствомъ* классической еллино-латинской древности. Ученость эта принята была въ то время въ Кіевѣ, какъ виѣшнее условіе, необходимое для возрастанія здѣшняго православно-русскаго просвѣщенія въ уровень съ просвѣщеніемъ латино-польскимъ. Но ея усвоеніе оговорено было въ *Евхаристиріонѣ* такъ:

«Если зъ добраго стался злымъ челоувѣкъ першій;
Вторый все то отмѣнилъ, діавола стерши;
Теды зъ наукъ поганскихъ латво учинити
Христіаномъ Христову, и за свою мѣти».

Стихотворенія, составляющія *Евхаристиріонъ*, расположены въ двѣ части: 1) «*Геликонъ* то есть садъ умѣтности первый», въ которомъ воспѣты «8 *кореній* наукъ вызволенныхъ»; 2) «*Парнасъ* албо садъ умѣтности второй», въ которомъ воспѣты «10 *мтораслій* наукъ вызволенныхъ». *Геликонъ* оканчивается стихами къ Богу, а *Парнасъ*—стихами къ пресвятой Дѣвѣ: эти стихи, равно какъ и всѣ почти корни и мторасли свободныхъ наукъ, обращаются подъ-конецъ въ пангиріикъ меценату кievскому. Такъ, въ *Парнасъ* «*Кал-*

ліоне, то есть цвиченье въ писанію високихъ и поважныхъ речій завершается слѣдующими стихами:

•Поровнаеть рыцеровъ нашъ Могила давныхъ:

Бо звитяца таемныхъ есть весполь и явныхъ».

Имена 23-хъ учениковъ, подписанныхъ подъ стихотвореніями, показываютъ, что въ лаврскую школу были отданы преимущественно дѣти православнаго шляхетства кіевскаго ¹⁾. Нѣкоторые изъ нихъ (Филоиъ Нильковскій и Самуэль Мужилловскій) встрѣчаются и въ числѣ 13-ти учениковъ, подписанныхъ подъ стихами, составляющими вышеупомянутую *Мнемозину*. Того-же 1632 года лаврская школа, съ ея учителями и учениками, переведена была въ богоявленское братство.

Между тѣмъ апрѣля 30-го (а по старому стилю 20-го) умеръ въ Варшавѣ король Жигимонтъ третій, главный вводитель и покровитель церковной уніи, породившей столько раздора и соблазна въ славяно-христіанскомъ мірѣ, — столько мученій и бѣдствій православно-русскому народу бывшаго великаго княжества литовскаго.

¹⁾ Для памяти потомства выпишемъ имена этихъ учениковъ.

Въ лаврской школѣ 1632-го года:

1) Стефанъ Стрибыль. 2) Григорій Трипольскій. 3) Александръ Олекшичъ. 4) Самуэль Мужилловскій. 5) Андрей Черхавскій. 6) Василій Климовичъ. 7) Василій Каменицкій. 8) Михаилъ Полубенскій. 9) Мартинъ Суриць. 10) Филиппъ Миклашевскій. 11) Іоаниъ Зарудкій. 12) Василій Суцанскій-Проскура. 13) Филоиъ Нильковскій. 14) Стеванъ Колчицкій. 15) Максимъ Кресловскій. 16) Феодоръ Сусло. 17) Василій Чудновець. 18) Василій Устрицкій. 19) Георгій Петрабецкій. 20) Евтихій Соболя. 21) Стефанъ Трипольскій. 22) Трофимъ Онюкевичъ. 23) Іеремія Войсацкій

Въ Богоявленской школѣ въ іюлѣ 1633 года:

1) Александръ Тимкевичъ. 2) Георгій Тима. 3) Іоаниъ Тима. 4) Самуэль Мужилловскій. 5) Адамъ Тима. 6) Филоиъ Нильковскій. 7) Филиппъ Константиновичъ. 8) Тимофей Княгиницкій. 9) Стефанъ Бабневскій. 10) Захарія Березецкій. 11) Андрей Гродецкій. 12) Порфирій Карачевскій. 13) Василій Вѣтрицкій.

Тогда православные люди польскаго государства, оживленные надеждою на восстановление своихъ правъ, поспѣшно снаряжали депутаціи на избраніе новаго короля. Тогда-то воеводичь молдавскій почувалъ исполнѣ свое призваніе— «ратовать православную церковь» (какъ говорилъ о немъ Исаія Копинскій). Назначенный въ депутаты отъ кievскаго духовенства на избирательный сеймъ, вмѣстѣ съ Исаіей Трофимовичемъ и другими, онъ поспѣшилъ въ Варшаву, и возвратился въ Кіевъ уже въ половинѣ слѣдующаго года—въ санѣ митрополита кievскаго. Тогда для богоявленскаго братства и для всей православной кievской іерархіи настало новое, *мошинское* время.

Но что же случилось съ первоначальникомъ кievскаго братства, Исаіею Копинскимъ? О немъ скажемъ здѣсь словами изъ лѣтописца монастыря густынскаго: «И сѣдѣше на митрополіи яко двѣ лѣтѣ, со всякимъ бѣдствованіемъ, и остави престоль судомъ иѣкіимъ Божиимъ, понеже изнемоглъ бѣ старостию».

Взятый внезапно и насильно изъ михайловскаго монастыря въ печерскую лавру, Исаія вскорѣ перешелъ оттуда въ мгарскій лубенскій монастырь, имъ же основанный 1622 г., и прилагалъ попеченіе о трехъ обителяхъ украинскихъ, по прежнему на нихъ праву. Тамъ любили его и называли тогда «епископомъ лубенскимъ». Но молодой владѣлецъ Вишневеччины, имѣвшій свою резиденцію въ Лубнахъ, не захотѣлъ держать у себя такъ близко докучнаго старца, который еще недавно изъ Кіева своимъ писаніемъ увѣщевалъ его возвратиться къ покинутой имъ православной церкви. Въ 1636-мъ г. князь Еремѣй Михайловичъ передалъ свои монастыри митрополиту Петру Могилѣ, съ которымъ былъ въ родствѣ, со стороны покойной матери своей, Раины Могилянки, и который, въ 1632-мъ году, посвятилъ ему свою книжку «Крестъ

Христа Спасителя и каждаго челоуѣка». Тогда Исаія Копинскій, оставшійся только съ званіемъ архіепископа сѣверскаго и игумена михайловскаго, удаллся въ Полѣсье, въ намѣрѣніи возвратить себѣ золотоверхій михайловскій монастырь. Подавалъ онъ о томъ жалобную просьбу королю Владиславу, являлся и въ гродскій владимірскій судъ; и было дано повелѣніе королевское (27 мая 1637 г.) разсудить это дѣло особой комиссіи, состоявшей изъ князя Адама Сангушка, воеводы волынскаго, Николая Ланцкоронскаго, архидіакона кievскаго, Степана Аксака, судьи кievскаго, и еще нѣсколькихъ лицъ. Неизвѣстно рѣшеніе той комиссіи; но домогательство Исаіи не исполнилось. Потрясенный до глубины души своими личными обидами и скорбями и вновь наставшими тогда тревогами и бѣдами отечественными, онъ скончался въ 1640-мъ году 5-го октября, — какъ это записано въ старомъ помянникѣ Антоніевой пещеры, которой блюстителемъ былъ онъ до вызова его, въ 1615-мъ году, на первоначальное устроеніе кievскаго братства.

Михаилъ Максимовичъ.

1865 г. 13 ноябра.

Михайлова-Гора.